

избѣжанія ихъ, безпрестанно подниматься и спускаться по боковымъ горнымъ скатамъ. Верблюды и лошади спотыкались, падали и черепашимъ шагомъ ползли четырнадцать верстъ по этой мучительной для нихъ мѣстности. Затѣмъ долина вновь замкнулась горами. Монголь же сталъ увѣрять, что онъ «немного» ошибся и что необходимо вернуться ко вчерашнему стойбищу, а оттуда поискать выхода изъ горъ въ другомъ мѣстѣ. Мѣра моего терпѣнія кончилась: я приказалъ казакамъ вновь наказать вожака за его обманы. Затѣмъ мы разбили свой бивуакъ, а проводникъ посланъ былъ на поиски дороги. Но каковымъ оказался этотъ человѣкъ, можно судить изъ того, что даже и теперь, послѣ наказанія и неоднократно повторенной угрозы быть разстрѣленнымъ, онъ только отъѣхалъ версты три въ сторону, слѣзъ съ лошади и предался отдохновенію.

Тогда я рѣшилъ окончательно прогнать никуда негоднаго вожака, который, своими обманами, уже не мало надѣлалъ намъ хлопотъ. Монголу дано было немного продовольствія и приказано убраться, куда знаетъ. Сами же мы рѣшили идти впередъ, разъѣздами отыскивая путь. Правда, подобное рѣшеніе представляло въ перспективѣ много риска и трудовъ, но иного исхода, при данныхъ обстоятельствахъ, не было. Все равно—незнающій пути вожакъ насъ только бы обманывалъ и еще, Богъ знаетъ, куда бы завелъ; затѣмъ, при встрѣчѣ съ тибетцами, несомнѣнно бы оклеветалъ. Теперь же, уповая лишь на самихъ себя, мы поневолѣ должны были осторожно ориентироваться въ пути и если могли ошибаться, то, по крайней мѣрѣ, неумышленно.

Нельзя утвердительно сказать: нарочно ли, или по дѣйствительному незнанію пути, завелъ насъ проводникъ въ трудную мѣстность горъ Куку-шили. Всего вѣрнѣе, что плохой вожакъ—когда навѣрное имѣлись въ Цайдамѣ десятки людей, отлично знающихъ путь въ Лхассу—посланъ былъ съ нами для того, чтобы вести насъ кое-какъ, изморить нашихъ верблюдовъ и чрезъ то принудить возвратиться въ Цайдамъ. Дать знающаго вожака, но который дѣйствовалъ бы въ томъ же направленіи умышленно, Дзунъ-засакъ опасался, разъ потому, что не могъ рассчитывать на безкорыстіе своихъ подданныхъ, а во вторыхъ, зналъ изъ моихъ словъ, что въ случаѣ, если проводникъ заведетъ насъ въ Тибетъ куда-либо съ дурнымъ умысломъ, то будетъ разстрѣлянъ. Плохой же вожакъ поневолѣ не могъ покривить душою относительно подкупа съ нашей стороны и былъ гарантированъ, по крайней мѣрѣ, отъ разстрѣлянія, такъ какъ въ сущности являлся только «козлищемъ отпущенія». Самъ же Дзунъ-засакъ оставался правымъ передъ китай-